

ДВОЙНАЯ СПИРАЛЬ

И.А. Секерина

ias052@optonline.net

Если бы мне в 1984 году сказали, что я буду профессионально заниматься психолингвистикой, то я бы очень удивилась. Это был год, когда я закончила отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) филологического факультета МГУ, на которое я поступила в 1979 г. У нас был спецкурс под названием «Психолингвистика», и темой этого курса было работа с текстами разных авторов на предмет исследования их индивидуально-стиля. Ни о каких компьютерах, а тем более экспериментах, речи и быть не могло. Мне это было совсем не интересно, и я легко забыла о существовании психолингвистики на следующие пять лет.

Наш ОСиПловский курс (1979–1984 гг.) был разбит на три языковые группы — французскую, немецкую и экзотическую китайскую. Я была во французской, и по странной иронии судьбы в ней и в китайской группе были одни девушки, а все молодые люди оказались в немецкой. Среди них был и совсем юный 16-летний Андрей (Адя) Кибрик. С того далёкого 1979 г. прошло уже более 40 лет, и моя научная карьера и личная жизнь оказались тесно переплетены с карьерой и личной жизнью Ади и его семьи, включая его родителей, в первую очередь отца, Александра Евгеньевича Кибрика — такая вот двойная спираль.

Первый виток спирали начался с учебы на ОСиПЛе. Классический ОСиПЛ 1980-х гг. славился репутацией поставщика диссидентов, так как многие его выпускники, среди которых самыми знаменитыми были Игорь Мельчук и Александр Жолковский, основатели лингвистической модели *Смысл ↔ Текст*, уехали на Запад. Следуя этой замечательной традиции, осенью 1989 г. я успешно подала документы в четыре американских университета и через год начала учиться в аспирантуре программы по лингвистике Городского университета Нью-Йорка (City University of New York, CUNY). Адя к этому времени уже закончил аспирантуру в Институте языкознания и опубликовал свои первые работы по анафоре и референциальности, среди которых была и глава под названием «*Механизмы устранения референциального конфликта*» (Кибрик 1987), к которой я вернусь ниже.

На **второй виток** спирали мы вышли спустя 10 лет, когда встретились в 1994 г. Мне в это время как раз надо было решать, что выбрать темой диссертации. Было ощущение волнения, и мне казалось, что я стою на пороге чего-то совершенно нового и неизведанного. В формальной психолингвистике наступил решающий момент выхода за пределы изучения английского языка и ее распространения на другие языки. Формальной же психолингвистики русского языка не существовало, и ее создание открывало отличные возможности для профессионального роста и интересной карьеры. Я приехала в Москву для того, чтобы начать собирать русские данные для своего первого диссертационного эксперимента. Александр Евгеньевич Кибрик без колебаний предложил мне делать это на кафедре и разрешил агитировать среди студентов ОСиПЛа, чтобы привлечь их к участию в эксперименте в качестве испытуемых.

У Ади и Миры к тому времени уже были дочери, Нюся и Лиля, а я приехала в Москву с двухлетним сыном Тимофеем. Мы пошли гулять вокруг какого-то пруда на окраине Москвы, который был полностью затянут зеленой ряской. Мира и девочки шли по одной стороне пруда, а Адя, я и Тимошка по другой. Увлеченные разговором об экспериментальных планах, мы и не заметили, что Тимошка не был пристёгнут в прогулочной коляске. Решив, что ряска представляет из себя отличную зеленую поляну для забега, он выпрыгнул из коляски и тут же ушёл с головой под воду. Наши с Адей совместные



Фото 1. Адя, мой сын Тимошка и я в 1994 г.

решительные действия завершились прыжком в воду и вытаскиванием зелёного от ряски и страха Тимошки из-под воды, в результате чего Нюся и Лиля немедленно окрестили его Буратино, прозвище, навеянное все еще очень популярным в то время советским фильмом «Приключения Буратино» (1975), в котором непотопляемый деревянный человечек медленно плывёт на большом листе кувшинки.

Третий виток в профессиональной спирали начался с середины 1990-х гг. и продолжался до 2010-х гг., когда началась работа над проектом, который мы с Адей и нашей московской коллегой-лингвистом Ириной Михайловной Кобозевой задумали в ту пору: собрать молодых лингвистов-славистов, как российских, так и американских, создать сборник, отражающий состояние современной западной лингвистики, и сделать это непременно на русском языке. Результатом нескольких лет кропотливой работы стала книга *«Фундаментальные направления современной американской лингвистики»* / *«Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления»*, первое издание которой вышло в 1997 году, второе в 2002, третье в 2006, и последнее в 2012 г. В ней я впервые попробовала свои силы как специалист по психолингвистике.

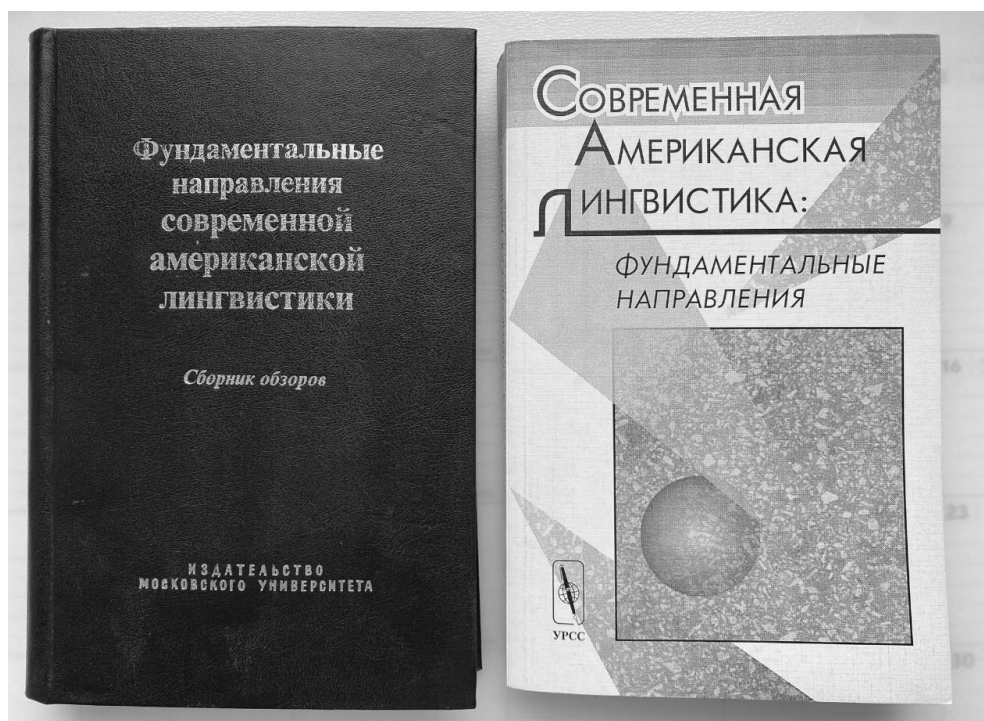


Фото 2а. Обложки первого и второго издания

тике, написав Главу 7 «Психолингвистика», а Адя (совместно с Владимиром Александровичем Плузгяном) Главу 9 «Функционализм». Огромное количество времени ушло на адаптацию английской терминологии на русский язык; так, например, мы долго возились с тем, как назвать по-русски «garden-path sentences», и в результате остановились на несколько неуклюжем, но с намеком на юмор термине «предложения заблуждения».

После окончания аспирантуры и защиты диссертации я получила позицию постдока в Институте по когнитивным исследованиям университета Пенсильвании в Филадельфии. Тут случился второй переломный момент в моей жизни и карьере (первый был переезд в США): я освоила и начала работать с новой по тому времени методикой записи движений глаз в *парадигме Визуального мира (the Visual World Paradigm)* (Федорова 2008; Sekerina 2014). Поиск относительно монолингвальных русскоговорящих испытуемых в Филадельфии в 2004 г. закончился полным провалом, и я прибегла к проверенному на диссертации методу, а именно, попросила Александра Евгеньевича снова помочь мне в организации сбора данных на кафедре ОТиПЛа, но уже с размещением аппарата по записи движений глаз прямо в его кабинете. Так начался **четвертый виток** моего общения не только с Адей, но и со всей семьей Кибриков. Несмотря на некоторые конфузы (в первый же день проведения эксперимента я умудрилась вышибить пробки в крыле на 9-ом этаже 1 Гуманитарного корпуса, между кафедрой и к. 949), сбор данных прошел очень успешно.

Мы отпраздновали это событие вместе с 41-м днем рождения Ади на старой даче, в компании всей семьи, Сандро Кодзасова, Веры Подлесской и других близких друзей. Моя 7-летняя дочь Кристина, которая была со мной в этой поездке, с большим любопытством в первый раз попробовала русский дачный шашлык, пожаренный на мангале, играла в прятки с Нюсей и Лилей среди гигантских лопухов в человеческий рост, и съездила на экскурсию в старинный городок Боровск. Как же мне было горько узнать, какая печальная участь постигла этот замечательный, душевный дом, который через несколько лет сгорел дотла.

Пятый виток, продолжающийся и по сей день, начался с середины 2010-х гг. Профессиональная карьера Ади динамично развивалась (он вскоре стал директором Института языкознания РАН), я получила титул полного профессора в 2014 г. К тому времени в наших семьях сложилась замечательная традиция — собираться на новой даче в Кратово, которая перешла Мире с Адей от родителей Миры. Чаще всего мы собираемся на день рождения Ади 18 июня в те годы, когда мне удастся приехать в Москву в начале лета. Иногда нам удастся встретиться и за границей. В течение последних 15 лет я каждое лето преподаю в Германии, и 10 лет назад мы с Адей встретились в Потсдаме. В Москве же встречи продолжаются регулярно, и летом, и зимой.



*Фото 2б. Семья Кибриков и их друзья на старой даче в 2004 г.
(Крайняя справа — Кристина).*



Фото 2в. Семья Кибриков на старой даче в 2004 г.



Фото 3а. Встреча Нового 2013 года



Фото 3б. Адя и я в парке Сан-Суси в Потсдаме, август 2013 г.

С профессиональной точки зрения Адя остается для меня непревзойденным знатоком по многим направлениям исследований русского языка. Мы вместе участвуем в международной конференции по когнитивной науке, проводящейся в России каждые 2 года, так как разделяем видение будущего науки о языке как органической части когнитивных наук. Я часто обращаюсь к Аде и Мире за консультациями по вопросам русского языка как языка наследия и корпусным исследованиям. С 2021 г. я с коллегами из Бразилии собираю и анализирую устную речь русскоговорящих пожилых людей из Сан-Паулу, которые являются потомками русских эмигрантов из Харбина (Китай). Адя, с его богатым опытом полевых исследований с потомками русских колонистов на Аляске (Bergelson et al. 2009), куда он несколько раз ездил на сбор данных, очень помог нашей команде своими консультациями. Я, со своей стороны, была очень рада узнать, что Адя со своей коллегой Ольгой Федоровой заинтересовался методом записи движений глаз и успешно воплотил в жизнь проект по русскому мультимодальному дискурсу (Федорова, Кибрик 2014).

А в конце рассказ о том, как я осенью 2022 г. «обнаружила» статью Ади (Кибрик 1987), ставшей неожиданным обоснованием моего экспериментального проекта по анафоре. В сентябре 2022 г. я приехала в Кёльнский университет по приглашению группы Петры Шумахер, ведущего специалиста по дискурсу в Германии. Мы решили вернуться к вопросу о, казалось бы, хорошо исследованному вопросу о факторах выбора антецедента для местоимения в русском языке. Обсуждая разницу между личными и указательными местоимениями в немецком языке, Петра Шумахер посоветовала мне поискать статьи на русском языке. Вот тут-то я и вышла на старый проект Ади 1980-х гг., посвященный референциальному конфликту, для разрешения которого в русском языке используется указательное местоимение *tot*. Прямо в стиле курса по диалектическому материализму, который мы с Адей и все наши однокурсники филфака МГУ честно изучали в начале 1980-х гг., нынешний виток наших отношений (2023 г.) вернулся к первому (1980 г., обучение на ОСиПЛе), но перешел в новое качество, согласно 2-му закону Гегеля. Теперь мы, сильно немолодые, но продолжающие активно работать в лингвистике в разных направлениях и в разных частях света, остаемся лучшими друзьями. Двойная спираль, по определению, никогда не кончается!

Литература

Bergelson M.B., Kibrik A.A., Leman W. 2009. *Ninilchik Russian: Language of an Alaska Village*. Raleigh: Lulu Press.

- Sekerina I.A. 2014. Visual World eye-tracking paradigm. In: P.J. Brooks and V. Kempe (Eds.), *Encyclopedia of Language Development*. London: SAGE, 657–658.
- Кибрик А.А. 1987. Глава 6. Механизмы устранения референциального конфликта. В кн.: А.Е. Кибрик и А.С. Нариньяни (ред.) *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М.: Наука, 128–145.
- Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. (ред.) 2002. *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. 2-е изд. М.: URSS.
- Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. (ред.) 1997. *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. М.: Издательство Московского университета.
- Федорова О.В. 2008. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций. *Вопросы языкознания*, № 6, 98–120.
- Федорова О.В., Кибрик А.А. (ред.) 2014. *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические аспекты*. М.: Буки Веди.